

THE IMAGE OF THE CITY IN THE PROSE OF D. DANILOV (THE NOVELS “DESCRIPTION OF THE CITY” AND “SASHA, HELLO!”)

Kuryaev Ilgam Ryasimovich^{1*}

Senior Lecturer at National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia.

(date of receiving: November 2023; date of acceptance January 2024)

Abstract

The article analyzes the ways of creating the image of city in the prose of D. Danilov. It is noted that the narrator plays a major role in the unfolding of the text, who also acquires the role of an observer. The function of observation in its turn actualizes the visual aspect of the text. Thanks to this, the representation of the city as a space turns out to be connected with the act of observation itself, which not only reduces the city to a set of visual images, but also constructs a specific montage of them. At the same time, observation itself takes the form of “naïve” fixation of typical images and details, which emphasizes attention to ordinary, banal images. Thanks to this, the city in the analyzed works by D. Danilov is deprived of its definiteness associated with a specific name. The city is shown as a conventional space, at the same time filled with details characterized by concreteness. This allows the novelist to include the reader in the unfolding of the image of the city not only through an interactive game, consisting in attempts to guess the city itself, but also through the actualization of the reader's experience of living in the spaces of his own city.

Keywords: Dmitry Danilov; City; Space; Observation; Visuality.

1. E-mail: kuryev.ilgam@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4294-5817>

* Corresponding author

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРОДА В ПРОЗЕ Д. ДАНИЛОВА (РОМАНЫ «ОПИСАНИЕ ГОРОДА», «САША, ПРИВЕТ!»)

Куряев Ильгам Рясимович^{1*}

Преподаватель Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия.

(дата получения: ноябрь 2023 г., дата принятия: январь 2024 г.)

Аннотация

В статье анализируются способы создания образа города в прозе Д. Данилова. Большую роль в развёртывании текста играет рассказчик, который также приобретает роль наблюдателя. Функция наблюдения в свою очередь актуализирует визуальный аспект в тексте. Благодаря этому репрезентация города как пространства оказывается связанной с самим актом наблюдения, который не только сводит город к набору визуальных образов, но и конструирует из них специфическое монтажное единство. При этом само наблюдение обретает форму «наивной» фиксации типичных образов, деталей, отчего акцентируется внимание на обычных, банальных образах. Благодаря этому город в анализируемых произведениях Д. Данилова предстаёт лишаясь своей определённости, связанной с конкретным именем. Город показан как условное пространство, в то же время наполненное деталями, отличающимися конкретностью. Это позволяет прозаику включить читателя в развёртывание образа города не только через интерактивную игру, заключающуюся в попытках угадать город, но и через актуализацию читательского опыта проживания пространств собственного города.

Ключевые слова: Дмитрий Данилов; Город; Пространство; Наблюдение; Визуальность.

1. E-mail: kuryev.ilgam@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4294-5817>

* Ответственный автор

Введение

В своих произведениях Дмитрий Данилов, лауреат множества литературных премий, автор поэтических, драматических, прозаических текстов, сознательно акцентирует внимание на – жанровый, сюжетный, повествовательный, языковой – текстовый эксперимент. В каждом своём произведении он «оголяет» его конструкцию, разворачивает подробное описание собственного метода в текстовом пространстве. Как отметил один из критиков по поводу романа «Саша, привет!», эта книга, «взращённая на приёме» (Ямщиков 2022). В рамках этого эксперимента большое внимание уделяется репрезентации города и пространства как такового, ярким примером чего являются заявленные нами в заглавии статьи произведения «Описание города» (2012) и «Саша, привет!» (2022). Мы будем опираться в первую очередь на роман Д. Данилова «Описание города» ввиду его подчёркнутой урбанистической тематики, заявленной уже в названии, и сознательного «оголения» приёма в работе с этой тематикой. Роман «Саша, привет!» также представляет специфические иллюстрации урбанистических пейзажей, однако находятся они на периферии магистральной темы, представляя собой больше дополнение к повествованию, поддерживающее и усиливающее идейную составляющую текста.

Основная часть

Так, уже в самом начале «Описания города» прозаик не только заявляет, что именно Город как явление и как пространство станет особым объектом пристального исследования, но и прописывает точный алгоритм взаимодействия с ним. «Описать город. Взять и описать город. Выбрать какой-нибудь город и описать его. Побывать в городе несколько раз, много раз. И описать его. Приехать раз десять или лучше двенадцать. Приезжать каждый месяц на протяжении года. Ходить по городу, ездить по городу, смотреть на

город. Останавливаться в гостиницах города, совершать покупки в магазинах города. Пройти и проехать его весь из конца в конец множество раз. Миллион раз пройти по центральной улице города и по другим улицам города пройти миллион раз. Чтобы город стал как родной. Чтобы пропитаться городом. Чтобы город вошел в печенки» (Данилов 2012). Город здесь подобен некоторому объекту, который для условной чистоты эксперимента не называется и подбирается из расчёта на его повсеместное распространение. «Чтобы был не очень большой, но и не очень маленький. Чтобы не был известным туристическим центром с “достопримечательностями”. Но чтобы там все-таки что-нибудь было» (Данилов 2012). Тем самым, уже здесь Д. Данилов, заявляя идею среднестатистического города, подчёркивает важный тезис об обыденном, банальном, о чём мы укажем ниже.

В контексте обоих произведений примечательна позиция рассказчика. Так, в романе «Описание города» он утверждает себя как некоторый механизм восприятия, машина наблюдения, чья задача – пристальная фиксация увиденного. Это в том числе проявляется и в самом языке романа. Рассказчик здесь становится активным исследователем пространства.

В романе «Саша, привет!» условный рассказчик, занимающий экстрадиегетическую позицию, конструирует фрагменты видимого и наблюдаемого, что в том числе касается и утверждения особой точки зрения, которая располагается рядом с главным героем романа, Серёжей. «Он приезжает на станцию метро «Площадь Революции» и приходит на Красную площадь, как дурак. Стоит, как идиот, на Красной площади, смотрит на всё вот это. Серёжа долго стоит на Красной площади и смотрит на неё, на сооружения, которые её окружают, – Кремлёвскую стену, Мавзолей, храм Василия Блаженного, ГУМ, Казанский собор, Исторический музей» (Данилов 2022. 55–56). Примечательно, что один из критиков по отношению к этому роману отмечал, что произведения Д. Данилова так или иначе строятся приёме

регистрации, «дотошном описании повторяющихся, однообразных, “неинтересных” действий» (Кириенко 2022).

При этом общим является то, что в обоих произведениях конструируется условная оппозиция «наблюдатель – наблюдаемое», создаваемая во многом от статуса наблюдающего (так, рассказчик в «Описании города» является пусть и не классическим, но туристом, не принадлежащим описываемому пространству, а главный герой романа «Саша, привет!», к которому привязана и условная позиция наблюдения экстрадиегетического рассказчика, ввиду приговора суда перестаёт принадлежать привычному ему пространству). В обоих текстах утверждается идея дистанции и взгляда со стороны. Это, во-первых, позволяет выстроить ситуацию остранения, когда привычное, обыденное, незначимое, незначительное актуализируется и получает право на подробное описание. Во-вторых, это подчёркивает визуальность текста и описываемого пространства. К примеру: «начинается Такой-то район, неширокие неярко освещенные улицы, уставленные невысокими домами, направо, налево, еще раз налево, какое-то пустынное место, заборы какие-то, и вдруг – сияющий огнями Ледовый дворец в Таком-то районе» (Данилов 2012).

Пространства города здесь видимы и – что важнее – наблюдаемы. Наблюдение здесь как динамический процесс можно представить как особый вид монтажа, который позволяет фиксировать внимание на отдельных деталях, образах, соединяющихся – от взгляда смотрящего – друг с другом. «Пришел троллейбус 3, и прогулка по улице из четырех букв продолжилась уже внутри троллейбуса. Сначала была городская среда (серо-унылая), а потом начался частный сектор, маленькие и относительно большие одноэтажные домики, и этот частный сектор тянулся бесконечно, все время частный сектор, конца-краю нет частному сектору, но все же в какой-то момент частный сектор закончился, троллейбус 3 проехал по мосту через реку и приехал в какое-то оживленное место» (Данилов 2012). Тем самым, город в обоих произведениях

не даётся как целостность, некоторая визуально монолитная общность. Город представлен как набор смонтированных образов, разворачивающихся в рамках сюжета, пространства, времени.

Примечательно и то, что упоминавшаяся идея бытового, обычного, привычного, знаменует собой детали и образы описываемых пространств. К примеру: «Грязно, мокро, слякотно. Все тает, кругом валяется грязный почерневший снег, кое-где сменяющийся коричневой земляной жижей. Серые дома, практически в каждом – один или несколько небольших магазинов. Множество людей движется по загаженным природой и климатом тротуарам. Множество маршруток проносится по широкому проспекту, названному в честь одного из городов» (Данилов 2012). При этом эти «обычные» образы формируют фактурность пространств и актуализируют общие места, имеющие – от своей распространённости – неопределённую, зыбкую структуру. Они настолько обыденны, что описание их ничего не даёт, не сообщает никакой информации, эти общие места могут быть везде. К примеру: «Главная улица (проспект) пересекает по высокой насыпи огромный глубокий овраг. Главная улица идет параллельно реке, а овраг вытянулся перпендикулярно главной улице, по направлению к реке, видно там, на дне оврага, протекает какой-то ручеек или маленькая речка, который (которая) за века и тысячелетия своим слабеньким хилым течением выкопала этот огромный овраг, но сейчас, зимой, ручейка (речки) не видно под снегом» (Данилов 2012). Так Город лишается набора конкретных, эмблематичных образов. Важную роль во всём этом играет и особый характер наблюдения. Взгляд рассказчика в «Описании города» можно охарактеризовать как аутичный, детский, подчеркнуто наивный (Кочергин 2023), что в том числе проявляется и в самой речи рассказчика. Обращаясь к деталям, явлениям, прозаик конструирует условно «близорукое», феноменологическое описание, характеризуемое не выстраиванием больших идейных концепций, а именно препарированием,

разложением элементов пространства, расширением и углублением поля видимого. Рассказчик здесь отказывается от всякой знаковой системы, связанной с тем или иным конкретным локусом, он старается взглянуть на пространства по-новому.

Оттого важным в романе «Описание города» становится отказ от имени этого самого Города. Данилов, не называя его, блокирует описанный Марселем Прустом момент, когда Имя конструирует горизонт ожидания, выстраивает представление о носителе имени из ассоциативного ряда образов, привязанных к тому или иному локусу, тому или иному имени. Схожий принцип мы можем найти и в романе «Саша, привет!». Автор точно называет город, в котором разворачивается действие (это Москва), однако отказывает пространствам в точной их локализации, отчего описываемые пространства вне центра Москвы лишаются какой-либо конкретики. «Мы видим, как Серёжа идёт по пешеходной дорожке к дому, идёт по тротуару вдоль дома, подходит к подъезду. Дом обычный, современный, многоэтажный, не элитный, не бизнес-класса, но и не старый, брежневский или хрущёвский, просто относительно современный московский многоэтажный дом, серии ПЗ или КОПЭ или П44Т, что-то примерно такое. Этажей в доме много – ну да, он же многоэтажный» (Данилов 2022. 26–27). Подобное позволяет Д. Данилову, отказавшись от привычной знаковой системы, подразумевающей автоматизм восприятия, выстроить новую знаковую систему или хотя бы попытаться это сделать.

В этом контексте важно, что рассказчика в романе «Описание города» можно назвать фланёром в понимании Ш. Бодлера и В. Беньямина (Беньямин 2000. 180). Как мы отмечали выше, у него одна задача – исследовать и описать город. При этом само описание и осваивание пространств происходит согласно определённому алгоритму. Здесь одна концепция постижения (город как карта) переплетается с другой концепцией (город как лабиринт). При этом

последняя ближе фланёру, она позволяет рассмотреть куда больше. Рассказчик подчёркивает, что в завершении своего исследования описываемый город должен оказаться «в печёнках», ощутимым как родной город, что во многом не соответствует постижению города как карты, применимой более для «туристического» взгляда. Да, рассказчик, оказавшись в городе, приобретает в ларьке карту, с помощью которой формирует набор необходимых для посещения пространств. Но, во-первых, всякое классическое «туристическое» место описывается через привычные бытовые детали, с помощью «близорукого» взгляда, отчего оно превращается в «общее место». Во-вторых, рассказчик снова и снова в своём движении по заданной с помощью карты траектории упирается в пустоты и провалы. Это могут быть тупики, не отмеченные места или пространства, значащиеся на карте как нечто незначимое, бессмысленное. К примеру: «Автостанция – совсем маленькая, рядом несколько автобусов. Магазины, ларьки, но не очень оживленно, народу мало. По мосту через железнодорожные пути к вокзалу. Вокзал небольшой, очень красивый, с башенкой. За вокзалом – какая-то тишайшая улица, безлюдная остановка автобусов и маршруток, тишайшие низенькие дома. Внутри вокзала – небольшой темноватый, но уютный зал ожидания, расписание» (Данилов 2012). Впоследствии рассказчик-фланёр сознательно подменяет карту лабиринтом. Выбирает не ряд пунктов назначения, а лишь траекторию движения. К примеру: «В 7.20 отправляется электричка, следующая по кольцевому маршруту, по малому кольцу, вернее, не кольцу, а петле на веревочке. Как в июне. Только в июне было светло и все видно, а сейчас темно и ничего не видно. Почти ничего. <...> Платформа <Прилагательное, образованное от названия одного из городов> пост. Платформа <Цифра> км. Вдали – описываемый город, нитью огней. Станция <Название описываемого города>-II. Многие вышли. Практически все. Но не все» (Данилов 2012). Рассказчик сознательно акцентирует внимание на

периферийных, пограничных пространствах, отличающихся бесформенностью, зыбкостью собственных границ. К примеру: «На другом берегу реки обнаружилось странное место. Просто такое место, пустое. Покрытое снегом. Слева, если смотреть от моста, тянется какое-то непонятное здание, вернее, просто глухая стена. Посреди заснеженной поверхности земли стоит ярко-синий пластмассовый туалет» (Данилов 2012) или «Была поездка на автобусе 2 в Такой-то район, до первой остановки после вокзала. Какое-то дикое, корявое, невозможно унылое место» (Данилов 2012).

Важным является и то, что по отношению к рассказчику все пространства можно охарактеризовать как не-места (Лоу 2016. 43; Трубина 2011. 405; Ямпольский 2019. 382), «транзитные» точки, не способные сгенерировать значительное нарративное событие. Рассказчик им не принадлежит, он их или преодолевает, или только созерцает. Тело фланёра не выстраивает с ними жёстких отношений зависимости и утилитарности, оно только «дрейфует» между ними. Единственным пространством как «местом» можем считаться номер в отеле, который является точкой отсчёта и завершения пространства как Города, местом, в котором рассказчик может работать и отдыхать, но и это пространство по своей сути для рассказчика нестабильное.

В итоге, для рассказчика-фланёра город предстаёт нагромождением пространств, связанных между собой условно – только желанием самого рассказчика, абстрактной траекторией знакомства с теми или иными местами. Рассказчик-фланёр становится залогом постепенного сложения этих пространств в некоторую визуальную последовательность без выстраивания больших и протяжённых абстрактных концепций и отношений. В итоге город предстаёт нечёткой, блуждающей, номадической структурой, он постоянно растягивается, расширяется, его границы всё больше раздвигаются. В восприятии рассказчика-фланёра, акцентирующего внимание на незначимом, город не создаёт протяжённую жёсткую иерархию «центр – окраина». К тому

же части города не равны сами себе. Двенадцать зарисовок – по одной на каждый месяц – представляют город всегда немного иным, он меняет свои формы, приобретает и теряет свои части в восприятии рассказчика.

Примечательно, что город как именно структурированное, но всё же лишённое яркой индивидуальности единство, предстаёт только тогда, когда рассказчик видит его из иллюминатора самолёта, то есть в качестве города-карты: «посмотрел в иллюминатор — внизу, в разрывах облаков, проплывал описываемый (описанный) город, сразу узнал его очертания — излучину реки, дорогу по дамбе к вокзалу, разбегающиеся от вокзала железнодорожные линии, круглое здание цирка на главной улице (проспекте), это был именно он, описываемый (описанный) город» (Данилов 2012).

Конечно, рассказчик пытается в этой блуждающей структуре обозначить условный центр. Таковым становится дом 47, где жил известный русский писатель: «Но сначала – посещение пустого места на улице, названной в честь одного из месяцев, на котором раньше стоял дом 47, в котором жил выдающийся русский писатель. С прошлого приезда ничего не изменилось – металлический и какой-либо другой забор отсутствует, из середины участка торчит кусок стены бывшего дома 47» (Данилов 2012). Однако примечательно, что этот дом актуализирует топоним пустого места. Дом снесён, на его месте не меняющийся из месяца в месяц пустырь. Тем самым, бывший дом 47 становится своеобразной рифмой ко всякому другому пустому и пустеющему месту этого города. К примеру: «Раньше на месте этого пустого места находилась железнодорожная станция <Название описываемого города> – Город. Это была конечная станция на коротенькой ветке, которая вела к главному вокзалу описываемого города» (Данилов 2012). Пустые места ничего не дают рассказчику-фланёру, оставаясь постоянно неизменными, и снова актуализируют в тексте идею ненужного, незначимого. В этом контексте примечательными становятся детали и фрагменты, словно не являющиеся его

структурной частью, но всегда присутствующие в нём – это нагромождение мусора, заброшенные дома, надписи на заборах, то есть маргинальные, периферийные явления. И это, учитывая общую визуальность романа Д. Данилова, формирует в тексте своеобразные пучки *pinctum*'ов, если использовать понятие Ролана Барта (Барт 2021. 53), в которые как раз и входят бродящие образы, не привязанные к конкретному месту, витающие везде и обращённые в том числе к визуальному опыту проживания городского пространства самого читателя. Граффити на заборе, заброшенный дворик, гаражи – это части периферийного пространства, знакомые всякому.

Здесь стоит вспомнить, что Д. Данилов не называет имени Города. Это актуализирует в тексте интерактивный момент, который работает сразу по нескольким направлениям. Во-первых, перед нами своеобразная шарада (Шеховцова 2012). К примеру: «в Таком-то районе (отдаленном) есть железнодорожная станция с невероятным, чудовищным названием. Оно образовано из двух частей. Первая – фамилия крупного деятеля большевизма. Вторая – град. Получается <Фамилия крупного деятеля большевизма>град» (Данилов 2012). Зритель может попытаться разгадать, что за город посещает рассказчик, какие улицы он называет, что за достопримечательности посещает. Однако сама разгадка (Брянск), ключом к которой становится тот самый дом 47, ничего не проясняет именно оттого, что внимание рассказчика обращено к обычному, незначительному. Город остаётся только собранием немаркированных пространств. Во-вторых, Д. Данилов через это подчёркнутое отстранение и отстранение от фактического пространства Брянска не даёт сработать автоматизму восприятия читателя, прозаик из описываемого города формирует именно что среднестатистический город как таковой, классический город N., характеризующийся нагромождением обычных пространств и деталей, пустых мест. Город в «Описании...» или окраина Москвы в романе «Саша, привет!» в отсутствии конкретики, в подчёркнутой обыденности

предстают всяким городом или всяким спальным районом. И здесь рассказчик может восприниматься как аватар самого читателя: через рассказчика-фланёра читатель, разгадывая пробелы в условных шарадах городского пространства в «Описании города», заполняя эти пространственные провалы знакомыми ему обычными, пустыми местами, отстранённо актуализирует пространственный опыт, полученный от освоения и проживания пространств собственного города.

Заключение

Итак, прозаик в романах «Описание города» и «Саша, привет!» конструирует своего рода «матрицу» восприятия города, необходимую для «заполнения». Читатель, взаимодействуя с произведением, разгадывая загадки, интерактивно взаимодействует с текстом, перечисляя имена и характеристики явлений, знакомых каждому жителю провинциального российского города. Тем самым, Дмитрий Данилов создаёт а-локальный текст, текст, применимый ко всякому обычному российскому городу. Он разворачивает такое городское пространство, которое становится знакомым для большинства читателей его прозы – независимо от места проживания.

Литература

- 1- Барт Р. (2021). *Camera lucida. Комментарий к фотографии*. Москва: Ад Маргинем Пресс. 190 с.
- 2- Беньямин В. (2000). *Озарения*. Москва: Мартис. 376 с.
- 3- Данилов Д.А. (2012). *Описание города*. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/6/opisanie-goroda.html (дата обращения: 23.11.2023).
- 4- Данилов Д. А. (2022). *Саша, привет!*, Москва: АСТ. 248 с.
- 5- Кириенко И. (2022). *Важная книга: «Саша, привет!» Дмитрия Данилова*. <https://polka.academy/materials/837> (дата обращения: 23.11.2023).

- 6- Кочергин И. (2023). «Ничего на свете проще и мучительнее нет...» *Природный пейзаж в современной прозе*. <https://magazines.gorky.media/ural/2023/6/nichego-na-svete-proshhe-i-muchitelnee-net.html> (дата обращения: 23.11.2023).
- 7- Лоу Сета М. (2016). *Пласа. Политика общественного пространства и культуры*. Москва: Strelka Press. 352 с.
- 8- Трубина Е.Г. (2011). *Город в теории: опыты осмысления пространства*. Москва, Новое литературное обозрение. 520 с.
- 9- Шеховцова Т. (2012). *Вечное возвращение*. <https://magazines.gorky.media/sp/2012/14/vechnoe-vozvrashhenie.html> (дата обращения: 23.11.2023).
- 10- Ямпольский М. (2019). *Изображение. Курс лекций*. Москва: Новое литературное объединение. 424 с.
- 11- Ямщиков К. (2022). *Дмитрий Данилов. «Саша, привет!»*. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2022/4/dmitrij-danilov-sasha-privet.html> (дата обращения: 23.11.2023).

Bibliography

- 1- Bart R. (2021). *Camera lucida. Commentarij k fotografii*. Moskva: Ad Marginem Press. 190 s.
- 2- Ben'jamin V. (2000). *Ozarenija*. Moskva: Martis. 376 s.
- 3- Danilov D.A. (2012). *Opisanie goroda*. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/6/opisanie-goroda.html (data obrashhenija: 23.11.2023).
- 4- Danilov D. A. (2022). *Sasha, privet!*, Moskva: AST. 248 s.
- 5- Kirienko I. (2022). *Vazhnaja kniga: «Sasha, privet!» Dmitrija Danilova*. <https://polka.academy/materials/837> (data obrashhenija: 23.11.2023).
- 6- Kochergin I. (2023). «Nichego na svete proshhe i muchitel'nee net...» *Prirodnyj pejzazh v sovremennoj proze*. <https://magazines.gorky.media/ural/2023/6/nichego-na-svete-proshhe-i-muchitelnee-net.html> (data obrashhenija: 23.11.2023).
- 7- Lou Seta M. (2016). *Plasa. Politika obshhestvennogo prostranstva i kul'tury*. Moskva: Strelka Press. 352 s.
- 8- Trubina E.G. (2011). *Gorod v teorii: opyty osmyslenija prostranstva*. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie. 520 c.
- 9- Shehovcova T. (2012). *Vechnoe vozvrashhenie*. <https://magazines.gorky.media/sp/2012/14/vechnoe-vozvrashhenie.html> (data obrashhenija: 23.11.2023).
- 10- Jampol'skij M. (2019). *Izobrazhenie. Kurs lekcij*. Moskva: Novoe literaturnoe ob#edinenie. 424 s.

- 11- Jamshhikov K. (2022). *Dmitrij Danilov. «Sasha, privet!»*. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2022/4/dmitrij-danilov-sasha-privet.html> (data obrashhenija: 23.11.2023).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kuryaev Ilgam Ryasimovich (2024). THE IMAGE OF THE CITY IN THE PROSE OF D. DANILOV (THE NOVELS “DESCRIPTION OF THE CITY” AND “SASHA, HELLO!”). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 185-199.

DOI: 10.61186/iarll.23.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/312>

بازنمایی شهر در آثار منتور دانیلوف (رمان‌های «توصیف شهر»، «ساشا، سلام!»)

ایلگام ریاسیموویچ کوریایف^{*}

استادیار، دانشگاه دولتی آگاریوف موردوویا،

سارانسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۴)

چکیده

این مقاله به بررسی روش‌های ایجاد تصویر شهر در نثر د. دانیلوا می‌پردازد. در مقاله نقش عمده راوی که به عنوان ناظر نیز در اثر حضور دارد، بررسی شده است. کارکرد مشاهده‌گر راوی، به نوبه خود، به جنبه بصری در متن عینیت می‌بخشد. به لطف این، بازنمایی شهر به عنوان یک فضا با خود عمل مشاهده مرتبط است که نه تنها شهر را به مجموعه‌ای از تصاویر بصری تبدیل می‌کند، بلکه یک وحدت یکپارچه‌سازی خاص از آنها ایجاد می‌نماید. در عین حال، مشاهده خود به شکل تثبیت «ساده‌انگارانه» تصاویر و جزئیات معمولی در اثر وجود دارد، و به واسطه همین رویکرد، توجه اصلی بر تصاویر معمولی و پیش پا افتاده متمرکز می‌شود. به نظر می‌رسد شهر در آثار تحلیل شده دانیلوف فاقد ویژگی به تصویر کشیده شدن از دید یک فرد خاص است. شهر به عنوان یک فضای متعارف و در عین حال پر از جزئیات خاص نشان داده می‌شود. این به نثرنویس اجازه می‌دهد تا خواننده را در توسعه تصویر شهر مشارکت دهد و این کار هم از طریق یک بازی تعاملی تلاش برای حدس زدن شهر، و هم از طریق به‌روزرسانی تجربه خواننده از زندگی در فضاهای شهر خود صورت می‌گیرد.

واژگان کلیدی: دمیتری دانیلوف، شهر، محیط، مشاهده، قابلیت بصری.

* نویسنده مسئول 1. E-mail: kuryev.ilgam@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4294-5817>

نوع مقاله: علمی- پژوهشی